

Оглавление

Введение	5
Глава I. ВОСПРИЯТИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ.....	9
Среда обитания.....	9
Читатели Домостроя.....	11
Вера и храм.....	14
«Страх Божий»	17
Христианин вне храма	19
Поп и приход.....	22
Отношение к власти и социальной иерархии.....	27
Судьба в жизни православного	35
Отношение ко времени.....	40
Человек в пространстве.....	45
Жизнь после смерти.....	50
Стиль жизни.....	55
Отношение к пище.....	59
Отношение к одежде.....	62
Болезнь	65
Кто же такая ведьма?.....	67
Мистика и религия.....	71
Глава II. ХОЗЯЙСТВЕННО-ТРУДОВАЯ ЭТИКА	74
К постановке проблемы	74
Мирской аскетизм	77
Отношение к труду	79
Отношение к богатству	86
Правила предприимчивости	89
Глава III. ГРАНИЦЫ СЕМЕЙНЫХ И СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	92
Создание супружеского союза.....	92
Возраст вступления в брак.....	96
Супружеский союз.....	97

Отношение к незаконнорожденным.....	103
Поводы для разводов.....	105
Жизнь во грехе.....	109
Глава IV. ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
ПО ДОМОСТРОЮ	114
«Дом» и «семья» в Домострое.....	114
Семейная иерархия	121
Отношение к детям.....	125
Психология отношений	130
Имущественные отношения в семье	139
Глава V. ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВ	144
Историография	144
Источники	149
Домострой: исторический источник и миф	149
Учительная литература	167
Памятники права.....	174
Вместо заключения.....	178

Введение

Предлагаемая вниманию читателя книга не случайно называется «жизнь человека», а не, скажем, «быт» или «нравы», хотя и о быте и о нравах говорить обязательно придется. Автор хотел сосредоточить внимание на мировосприятии и мирозерцании русского человека Позднего средневековья, его отношении к своей жизни и окружающим его людям и проявления их в повседневной жизни. Иначе говоря, нас интересует ментальная повседневность Средневековья. Поскольку именно наличие сознания является единственной собственно человеческой характеристикой.

Чаще всего под ментальностью понимают «искони вечные» «автоматизмы мысли», не поддающиеся самоанализу и самоконтролю установки определенной социальной группы — большой (например, нации), или малой (отдельной страты). Признание наличия ментальных установок не отрицает существования у человека и социума аксиологической шкалы и системы ценностей. При этом так же, как и система ценностей, ментальная парадигма подвержена изменениям и исторически обусловлена.

Повседневность включает в себя самые различные аспекты человеческого бытия. Хотелось бы отметить, что такие близкие по значению слова как «повседневность» и «обыденность» не однозначны. Повседневность включает в себя и такие проявления человеческой активности, которые, осуществляясь ежедневно, как, скажем, вечерняя молитва, для истинно верующего человека не становятся обыденными, рутинными.

В то же время существует «обыденность» в смысле стереотипности некоторых действий, отработанных моделей поведения, общепринятых суждений, не нуждающиеся в осмыслении и рефлексии, но именно они оказываются основой человеческой жизнедеятельности, среди них незаметно созревают изменения, являющиеся двигателем исторического развития. Инициатором изменений может оказаться один человек или группа лиц, а дальше социум либо примет их и даже решит, что «новое — это хорошо забытое старое», либо они останутся проявлением девиантного поведения, достойного осуждения и/или забвения.

Круг осмысляемых проявлений деятельности человека может расширяться и из «само собой разумеющихся» превращаться в проанализированные и оцененные. Так, можно осмыслить значение соблюдения поста, значение вида одежды для определения

социального статуса человека и т. д. В этих объяснениях может быть много мифического, но сами мифологемы помогают понять характер и представления их носителей.

В Средневековье разъяснительную функцию в проживании повседневности часто брала на себя церковь; это касалось и внешнего, и внутреннего мира человека. Рефлексия для средневекового человека часто начиналась именно с церковных толкований. В то же время, христианство, принятое Русью в конце X века, легло на уже существовавшее мировосприятие и систему взаимоотношений. Взаимодействие между ними должно было привести к какому-то синтезу, но очень часто это было взаимодействие борьбы. Проследить ход и этапы такого процесса — одна из главных задач историка, занимающегося исторической антропологией Средневековья.

Основным источником для изучения стала книга, получившая почти сразу после возникновения название Домострой, главная цель автора которой — дать практические советы по искоренению пороков, которые он видел в современной ему действительности и указать пути достижения высокой христианской духовности в повседневной жизни. Остальные источники подбирались так, чтобы прямым или косвенным образом быть с ним связанным. Так, Стослов патриарха Константинопольского Геннадия и Измарагд (изумруд) являлись одними из источников Домостроя, а книга митрополита Московского Даниила находилась в составе библиотеки Сильвестра, вероятного редактора Домостроя. Как священник, Сильвестр не мог не пользоваться сборниками покаянных книг, которые формулируют самый широкий круг вопросов, вплоть до самых интимных, к исповедующемуся. Все эти памятники культуры сближает с Домостроем личная интонация, обращение к отдельному человеку. О Домострое можно сказать, что он является «одухотворением верой» всех упоминаемых в нем явлений повседневности.

Напомним, что Домострой сохранился в двух основных редакциях — 1-й, ранней, более пространной, и 2-й, которую называют Коншинской, по имени владельца опубликованной рукописи, или Сильвестровской, поскольку она заканчивается посланием благовещенского священника Сильвестра, члена так называемой «Избранной рады» сыну Анфиму и его жене Пелагее и содержит в сокращенном виде наставления основной части. Текст делится на три части: «О духовном строении», «О мирском строении» и «О домовном строении» и внутри частей разделен на главы, по-разному

расположенные в редакциях и иногда отличающиеся по содержанию. Есть еще и третья редакция Домостроя, но это контаминированная поздняя редакция, которая для рассмотрения проблемы ментальности повседневности отдельного значения не имеет.

Домострой — книга городская и написанная для горожан¹. В XVI–XVII веках городское население составляло ничтожную часть от всего населения исторического ядра Русского государства. Так стоит ли уделять горожанам так много внимания? Стоит уже потому, что средневековый русский город мало соответствовал современному представлению о городе. Процесс отделения города от деревни еще не был завершен; русские ремесленники, по крайней мере, до середины XVII в. работали не на рынок, а на заказ и основным источником жизнеобеспечения для них оставалась земля.

В стремлении точнее определить, мировосприятие каких слоев отражает Домострой и так или иначе родственная ему литература в период Средневековья, сошлемся на замечание А. И. Клибанова: «В XIV — первой половине XVII в. процесс размежевания культуры на городскую и крестьянскую не имел достаточно определенных очертаний, что отражало относительное единство в образе жизни и труде города и деревни». Поэтому «культуру социальных низов Средневековья можно квалифицировать как “народную”»². В продолжение этого высказывания добавим, что социальная дифференциация в то время также находилась в процессе становления и образ жизни «социальных верхов» также часто не отделялся непроходимой гранью от жизни «низов», что позволяло иметь сходные ментальные установки представителям различных социальных групп, это и объясняет присутствие представителей различных социальных слоев среди читателей Домостроя.

Есть в книге и главный герой — это новгородский священник Сильвестр, прибывший в Москву вместе с митрополитом Макарием в 1542 г. и ставший священником в домовый церкви московских государей — Благовещенской. Человек деятельный и незаурядный, он и в Новгороде, и в Москве занимался подготовкой иконников, певчих, писцов, сам писал тексты (в частности, Житие княгини

¹ Подробно о быте средневекового русского города см.: *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992; *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978.

² *Клибанов А. И.* Духовная культура средневековой Руси. М., 1994. С. 8–9.

Ольги), собрал собственную библиотеку, активно участвовал в духовной жизни московских церковных мыслителей, и в то же время занимался торговлей, причем торговал и с иноземными купцами, не забывая ни на минуту о «домовном устройении» своих близких.

Некоторый период времени пользовался большим доверием царя Ивана Грозного. В конце жизни постригся в монастырь, где и умер (ок. 1577 г.), оставив единственному сыну Анфиму послание – наставление, которое иногда называют малым Домостроем. Сам Сильвестр неординарным себя не считал, и свои наставления писал сыну с христианским смирением, движимый любовью к нему и сознанием ответственности за воспитание сына перед Богом.

Все деятели и наставники, которые, как и Сильвестр, стремившиеся «одухотворить верой» души своих современников, рисуют между тем широкую и подробную картину повседневной жизни русских людей, что дает возможность попытаться восстановить представления человека позднего Средневековья о себе и окружающем его мире.

Глава I.

ВОСПРИЯТИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Среда обитания

Нелишним представляется напомнить о некоторых природно-климатических условиях жизни русских людей того времени, как землепашцев, так и горожан. Достаточно сказать, что дней, пригодных для полевых работ, по подсчетам Л. В. Милова, было 120–130 в году³. За это время надо успеть вспахать, посеять, убрать урожай, запасти корм для скота, набрать грибов и ягод, и сделать многое другое. Активная деятельность в те времена была возможна только в течение светового дня. Летом в центральных регионах России светает около четырех утра, темнеет — около 11 вечера. Трудовой день летом длился, таким образом, 16–18 часов. Не удивительно, что русские в середине дня, в самую жару, делали перерыв на сон. А зимой световой день такой короткий, что успеть сделать много за несколько часов не удавалось.

К этому можно добавить, что годовой перепад температур достигал 50–60 градусов, что требовало наличия очень теплой одежды и теплого жилища. Стремление сохранить тепло в избе привело к возникновению гениального русского изобретения — печи. Отметим, что в том виде, в каком большинству читателей представляется русская печь — с плоской лежанкой, она известна только с XVI века. Поначалу ее делали не кирпичной, а глинобитной. (Соружался деревянный каркас, набивался глиной; по готовности внешние части формы убирались, в печи разводился огонь, сжигающий внутренние деревянные части формы). И дома строили деревянными даже богатые люди не из-за отсутствия камня или трудоемкости изготовления кирпича, а потому, что деревянную избу легче прогреть. Площадь избы определялась длинной бревен для сруба. Богатые строили дома из нескольких срубов.

Меха для русского человека Средневековья — «не роскошь, а средство передвижения». В 25-ти — 30-ти градусный мороз меховая одежда была необходима. Бедные использовали овчину или заячьи шкурки (очень хорошо сохраняющие тепло), богатые — дорогие меха. Обильный пушным зверем русский лес позволял

³ *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 9–12.

поставлять на рынки Европы меха такой красоты, что торговцы затруднялись в размерах их оценки.

Лес, покрывавший всю эту территорию, был и другом, и врагом человека. Другом потому, что давал материал для многого необходимого — от бревен для строительства, до посуды и лучин; и врагом, так как расчистка участков под пашню требовала огромных усилий, и передвигаться через лесную чащу трудно; легче было в качестве дороги использовать реки. Еще лес был и кормильцем: и мясо, и дичь, и грибы, и ягоды, и многое другое — все это тоже давал лес.

Возвращаясь к вопросу о характере русских городов, хотелось бы отметить, что в позднем Средневековье, да и в XVIII веке по большей части, садоводство было городским (и монастырским) занятием; причем в указанный период идеалом для русского человека был «город-сад».

Впрочем, и в более поздние времена мечта о воплощении этого, берущего начало в Священном Писании, идеала сохранялась: у В. Маяковского строящие социализм рабочие твердят: «Через четыре года здесь будет город-сад!». Получились, правда, Магнитогорск и Челябинск, но мечта сохранилась. В известной песне А. Хвостенко — Б. Гребенщикова «Город Золотой» как раз об этой мечте и поется. Смущает, правда, то, что песня начинается словами «Под (выделено мной. — Л. Н.) небом голубым». Золотой город с удивительными зверями — это Град Божий, Небесный Иерусалим, который расположен не «под», а «над» голубым небом и описан в песне словами Откровения Иоанна Богослова [Откр.; Апок. 4 : 7–8; 20 : 18–20] почти дословно. Представление о том, что город-сад — лучшее, что может только быть, отражено и в эпизоде из Жития св. Василия Нового (X век), хорошо известного в средневековой Руси. Там описывается эпизод, когда юноша Григорий по милости св. Василия, во сне попадает в то место, где Страшного суда ожидают праведники и среди прочих чудес он видит там: «прекрасные травы и листья, отливающие золотом, и цветы удивительные. От них исходил прекрасный аромат неизреченной сладости. И видели там множество деревьев с ветвями, наклонившимися до земли под тяжестью изумительных плодов»⁴. Причем это был еще не рай, а только предвкушение его. Ну, а о том, что сад, особенно цветущий, вызывает и у далекого от рели-

⁴ Найденова Л. П. Христианские мотивы регулирования социального поведения в России XV–XVI веков. М., 2013. С. 234.

гии человека сравнение с раем, говорить не приходится. Средневековые горожане пытались воплотить мечту. Московский кремль, несмотря на плотную застройку, в то время утопал в садах. Садами украшали себя и другие города; хочется подчеркнуть: не просто пытались увеличить число плодово-ягодных культур и плодов, что вполне естественно, а именно украсить город; так в Средневековье делали не только Москва — «Третий Рим» и «Новый Иерусалим», как называл ее в одном из своих посланий Максим Грек, но и Великий Новгород, и Псков. В целом же средневековый сад, по характеристике Д. С. Лихачева, «символизировал собой райскую вечность и неизменяемость, неизменяемое начало красоты»⁵.

Считать русский средневековый город цветущим и благополучным было бы заблуждением; у города было три главные напасти — голод, эпидемии и пожары. «Моровые поветрия» и «недород» нередко приходили вместе, но реже, чем третья беда — пожары. В Средневековье деревянная Москва, например, выгорала почти полностью каждые 20–30 лет, то есть крупный пожар случался на памяти каждого поколения. После всех потрясений городу приходилось возрождаться заново.

Читатели Домостроя

Нашим предкам приходилось тратить очень много усилий и проявлять большую изобретательность для создания приемлемых условий физического существования, что отнимало много душевных и физических сил. Не удивительно, что вопросы одухотворения и упорядочивания повседневной, прежде всего, домашней жизни, точнее сказать, созиданием Дома как определенного сообщества, начали занимать людей более обеспеченных и стоящих выше на социальной лестнице, чем простые землепашцы.

По убедительным подсчетам К. Поунси, сделанным на основе изучения владельческих записей на рукописях, содержащих текст Домостроя, в середине XVII в. 67 % рукописей Домостроя с владельческими записями существовали в служилой среде; 22 % — среди духовенства; 11 % — городских слоев (купцов и посадских людей)⁶.

⁵ Лихачев Д. С. Поэтика садов: к семантике садово-парковых стилей. Л., 1982. С. 69; Черный В. Д. Русские средневековые сады: опыт классификации. М., 2010. С. 432.

⁶ Pounsey C. J. The Origins of the Domostroi: A Study in Manuscript History // The Russian Review. 1987. Vol. 46. P. 368.

Каким слоям населения был адресован Домострой, ясно из текста памятника, где упоминаются «вельможи», «всякие чиновники», «торговый человек», а также те, кому «Бог послал свое подвореище», «или деревенку или лавочку в торгу или онбарь или дома каменные». (Отметим, что это самое раннее упоминание каменного жилого дома в источниках). Среди адресатов Домостроя люди, которые не только имеют своих крестьян, село или «пашенку»⁷, поместье или «вотчинку»⁸ но и те, кто имеет возможность нажиться «ростовщицеством, вином, переездом через мост»⁹, а также получить взятку, находясь на государственной службе; упоминание ростовщиков и взяточников несколько удивляет, потому что автор в тексте неоднократно настаивает на необходимости «трудов праведных». Как бы то ни было, автора этих перечислений не интересует источником социального и имущественного положения адресата. Возможно, потому что, во-первых, его больше интересует то, что происходит внутри Дома, а, во-вторых, потому, что принципы, которыми должен руководствоваться человек, одинаковы независимо от источника дохода: и для того, кто «у государевых дел», и у владельца «лавочки в торгу»: каждый должен бояться и любить Бога и жить по своему достатку — «сметя свой живот».

Из владельческих записей на полях рукописей известны имена и сословная принадлежность читателей Домостроя. В одной из записей отразилась история существования рукописи на протяжении столетия. В 1697 г. это была книга «велского стану Степки Алексева сына Попова, затем его внука, дьячка Петра Измайлова, после длительного семейного спора в 1816 г. она перешла к вельскому священнику Иоанну Алексиевскому¹⁰. В одной из рукописей¹¹ сделана владельческая запись в 1681 г. стольником Иваном Афанасьевичем Симанским. Примерно к этому времени относится и запись гостинного сотника Афанасия Михайлова сына Гордеевского в другой рукописи¹². В начале XVIII в. одна из рукописей Домостроя принадлежала «углечанину и посадскому человеку Михаилу Пет-

⁷ Домострой // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. М., 1985 (далее — Домострой). С. 102.

⁸ Домострой. С. 105.

⁹ Домострой. С. 82.

¹⁰ РНБ. О. XVII. № 63.

¹¹ ОРиРК ГИМ. Собр. Уваровское. № 3354.

¹² РГАДА. Фонд Мазурина, № 1487.

рову сыну Выжилову»¹³. (История с изучением владельческих записей — хорошая иллюстрация того, как много пристальное внимание к каждой детали текста может дать исследователю. Первым рукопись с владельческой записью посадского человека Михаила Выжилова изучал А. С. Орлов. Ему она помогла точно датировать рукопись. К. Поунси включила имя владельца в свою таблицу, и таким образом оно оказалось в статистической обработке данных о социальном статусе владельцев рукописей Домостроя. Для нашего исследования, сделанного уже после подсчетов Поунси, важен был сам факт обладания книги провинциальным посадским человеком. (А в то время книга могла стоить от полутора до шести рублей, что было очень дорого: мерин в конце XVI века стоил 4 рубля).

Б. А. Морозов, которого автор этих строк попросил повнимательней посмотреть филиграни в очень интересной переделке Домостроя, заинтересовался именем владельца и выяснил, кем был не только сам Михаил Выжилов, вполне вероятный автор именно этой рукописи Домостроя, но и другие члены рода, как оказалось, очень влиятельного в Угличе вплоть до начала XX века)¹⁴. В числе владельцев Домостроя был во времена царевны Софьи поручик вологодского драгунского полка Петр Михайлович Бегичев¹⁵. В середине XVIII века среди владельцев есть уже и крестьяне. В начале XIX века к рукописи Домостроя «по личной ея просьбе крестьянской дочери Авдотьи Андреевой Никулиной крестьянин Иван руку приложил»¹⁶. В 1747 г. ротный писарь Михаил Демидов переписывает сборник, куда входят и главы из Домостроя, затем его хозяином становится Федор Максимов, крестьянин князя Никиты

¹³ ОриРК ГИМ. Собр. Барсовское. № 369.

¹⁴ «Выжиловы — зажиточная посадская семья Углича, с XVII века занимавшие в городе выборные должности в местном самоуправлении. Из них происходил и архимандрит Макарий, с 1692 г. — настоятель Угличского Покровского монастыря (брат писца рукописи?). Согласно переписной книге угличского посада 1717 г., «Михаилу Петрову сыну Выжилову» было 55 лет. Он занимался «солодяным промыслом». В его дворе жила также одна крепостная семья. Михаил дожил до преклонных лет — во II ревизии 1744 года сказано, что ему 82 года. Он проживал с сыном и 18-летним внуком. Сохранились их дома конца XVIII–XIX вв.» *Морозов Б. А.* Сочинение о садах угличского посадского человека начала XVIII века Михаила Выжилова // Вспомогательные исторические дисциплины в современной науке. Материалы XXXII Международной конференции. М., 2019. С. 283.

¹⁵ РНБ. О. XVII. № 180.

¹⁶ ОриРК ГИМ. Собр. Музейское. № 2238.

Игнатова. Был ли этот крестьянин свободным или крепостным — неизвестно. (Запись сделана в 1753 г.).

Из сорока шести известных на сегодняшний день рукописей Домостроя подавляющая часть относится к XVII веку; к XVI в. относятся 2 рукописи, к XVIII в. можно отнести три-четыре рукописи. Поэтому мы имеем право говорить о Домострое как о произведении, особенно почитаемом именно в XVII веке, а значит отражающим умонастроения и ценностные ориентиры именно этого времени. Популярность Домостроя в XVII в. несколько меняет представление о том, что весь век был «смутным» и «бунташным» и делает возможным предположить, что именно стремление относительно широких слоев населения, а прежде всего средних социальных слоев, к упорядочиванию своей повседневной жизни сохранение ориентации на созидательные ценности, подобные домостроевским, и помогли выйти из кризиса, хотя на мировосприятие людей кризис, конечно, повлиял.

Автор Домостроя адресовал свое произведение очень широким кругам (если судить по их источникам дохода), здесь и служилые люди, как военные, так и дьяки, и вотчинники, и горожане — все, кто имел дом и семью и соответственно, по мысли автора Домостроя, нуждался в нравственном руководстве в ведении домашнего хозяйства и организации семейной жизни. Именно этот расчет на широкую аудиторию сделал со временем Домострой авторитетным и для крестьян.

Вера и храм

Для автора Домостроя самой важной была первая, духовная часть, поскольку именно «теплая вера» в Бога, по его мнению, определяла всю жизнь человека, а потому за кратким вступлением — Письмом отца к сыну — следует глава, которая представляет собой изложение части Символа веры. Если учесть, что именно эта часть Домостроя тесно связана со Стословцем, представляет интерес то, как Символ веры излагается в каждом из этих текстов. Стослов патриарха Константинопольского Геннадия¹⁷ начинается следующим образом: «Веруй во Отца и Сына и Святого Духа, Троицу нераздельну, и неслияну, едино божественну. Отца нерожденна. Сына же рожденна, а не созданна, Духа Святого нерожденна, несозданна, но исходяща. Три во единой воли, и едину славу и едину

¹⁷ РНБ. Собр. Погодинское. № 1583.

честь, едино поклонение от всех тварей». Известно, как много дискуссий и еретических движений породили эти догматы. Автор же Домостроя отказывается от каких-либо объяснений и рассуждений о соотношении божественных ипостасей, он ограничивается утверждением: «Подобает убо всякому христианину како по Бозе жити в православной вере христианстей, первого убо от всея души и от всего помышления, и всеми чувства **теплою верою** [выделено мной. — Л. Н.] веровати во Отца и Сына и Святого Духа. В неразделную Троицу и воплощению Господа нашего Иисуса Христа сына Божия веруй». Таким образом, Стослов Геннадия излагает Символ Веры более пространно, чем Домострой, который не собирается обсуждать сложные теологические проблемы, а скорее занят возможностями действенного проявления веры, будь то поведение прихожан во время церковной службы или их взаимоотношения с родственниками, соседями, властью. Но особо хотелось бы отметить выражение «теплою верою», которое можно трактовать как требование не просто веры в Бога, но любви к нему. Это то, что, по мнению автора Домостроя, является проявлением истинной веры. Для него главное не просто вера в догматы, а любовь к Богу. Именно «теплая вера» в Бога и позволяет человеку любить ближнего.

Посещение храма — это, конечно, и коллективное поклонение Богу, и демонстрация своей причастности к христианскому сообществу вообще, и данного города или села, в частности, (причем «женам ходити к церкви божию какъ въместимо на произволение по совету с мужемъ»). В храме все обязаны «молитися со страхом и трепетом и со вздыханиемъ и со слезами и до отпетия из церкви не исходити» (это требование — не уходить из церкви до конца службы встречается повсеместно, содержится во многих учительных сборниках, в том числе и Измарагде¹⁸, но судя по обилию таких требований, соблюдалось оно далеко не всегда). Конечно, часть верующих испытывала во время службы то молитвенное чувство, к которому призывает церковь.

Со времен Средневековья и до самого недавнего времени были миряне, особенно старшего возраста, которые тексты всех служб знали не хуже, если не лучше священника и строго следили за чинопоследованием. Русская церковь не запрещала, но и не настаивала на том, чтобы простые миряне читали Священное Писание.

¹⁸ Пудалов Б. М. Сборник «Измарагд» в русской письменности XIV–XVIII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. Вып. 3. Ч. 2. М., 1990. С. 393.

В то же время за годичный круг богослужений в церкви вычитывается весь текст Евангелия, а значит, историю земного пребывания Иисуса Христа и его проповеди и притчи эти люди знали наизусть. (В то же время, часть книжников, таких, как священник Сильвестр, настойчиво советовали своим детям не только молиться дома, но и читать Писание).

Как свидетельствуют источники, храм для мирян был не только местом молитвы и «церковного пения» (именно так Домострой называет церковные службы), но и местом, где можно было, следуя пословице, «людей повидать и себя показать».

Поход в церковь воспринимался и как место демонстрации себя, и возможность для молодежи приглядеть себе пару. Домострой, описывая достойные формы поведения в храме, рекомендует в церкви «не обзираться», не переминаться с ноги на ногу, не разговаривать и «смехотворения неподобного беречися». Митрополит же Даниил рисует поведение в храме некоторых прихожан очень едкими красками (что, впрочем, естественно для обличительного произведения): «Егда срама ради внидеси въ божественную церковь, и не веси, почто пришесть еси. Позевывая, и протяжаяся, и ногу на ногу поставляеши, и бедра выставляеши и потрясаеши, и кривляешися яко похабный. О уме же твоємъ что и глаголати»¹⁹.

Сильвестр не делает бытовых зарисовок, но его, как священника, волнует то, что в церквях иногда «говорят правило церковное вдвое», и он призывает петь в церквях «единогласно», т. е. не сокращать время службы одновременным творением различных ее частей, что, видимо, практиковалось уже с XVI в. и стало одной из причин серьезных конфликтов с будущими старообрядцами в XVII веке.

Видимо, увещевания и поучения мало меняли ситуацию с поведением некоторых прихожан в храме, поэтому Стоглавый собор 1551 г. постановляет: «А шептания бо и роптания и сквернословия, и празднословия, и непотребнаго разсуждения, и судов, и повестей, и скверных словес и иных неподобных дел во святых божиих церквях на божественном пении никогда же от православных не именовалося». Причем Стоглав определяет и меру наказания за нарушения порядка в храме — «по первом и втором наказании повелевают таковых из церкви изгоняти, аще таковыи

¹⁹ Жмакин В. И. Митрополит Даниил и его сочинения Чтения ОИДР. Кн. 2. М., 1881. С. 638.

не исправятся и вопреки глаголют, священные правила таким за-
прещают и от церкви отлучают дондеже исправятся»²⁰.

«Страх Божий»

Выражение «Страх Божий» в Домострое встречается неодно-
кратно и явно отражает важную составляющую мировосприятия
людей того времени и нравственный ориентир, но что означало
это выражение для людей Позднего средневековья — кратко отве-
тить трудно. С одной стороны, это — выражение эквивалентно
«истинной вере», с другой, это — широко распространенная фор-
мула, обозначающая неординарность и сакральность происходя-
щего, что невозможно, по представлениям средневекового человека
без «страха и трепета». («Страх и трепет» — библейское выраже-
ние.) В связи с этим обратим внимание на чин венчания на царство
Ивана Васильевича. Там тоже все присутствующие должны были
испытывать страх и трепет, наблюдая за происходящим²¹. Считать,
что страх был основой веры едва ли правомерно. Основу истинной
веры создавала все-таки любовь к Богу (но путь к любви лежал, че-
рез страх) и следование божественным заповедям; и сознание по-
корности его воле уменьшало боязнь Страшного Суда, ибо уго-
дивший Богу человек будет «в радости Бога своего»²². Об этом
сочетании страха, смерти и любви очень верно сказано в ветхоза-
ветной неканонической «Книге Премудрости Иисуса, сына Сира-
хова»: «Боящемуся Господа благо будет напоследок, и в день смер-
ти своей он получит благословение. Страх Господень дар от
Господа и поставляет на стезях любви» (Сирах. 1 : 13). «Страх Бо-
жий» в Домострое — не обязательно страх перед Страшным Судом,
хотя именно он, если верить предисловию Домостроя, подвизает
хозяина дома на поучение домашних, и их отказ следовать настав-
лениям приведет к тому, что они сами за себя дадут ответ в день
Страшного суда. Понятие «Страх Божий» шире, чем страх перед
Судным днем, поскольку наказание Господне может постигнуть
человека в любой момент и не только в виде смерти, но и какого-то
другого несчастья, ибо веровать истинный христианин должен

²⁰ Емченко Е. Б. Стоглав. Исследование и текст. М., 2000 (далее — Сто-
глав). С. 372.

²¹ Бычкова М. Е. Обряды венчания на престол 1498 и 1547 годов: вопло-
щение идеи власти государя // Cahiers du Monde russe et soviétique,
janvier-juin XXXIV (1-2). 1993. P. 250.

²² Домострой. С. 8.

«теплою верою и от всея душа и от всего помышления и всеми чувствами»²³, а кроме того, нужно возлюбить каждого человека, по образу Божьему созданного, имея при этом «память смертную». Человек должен быть готов предстать перед Господом в любое мгновение своей жизни.

Христиане хорошо знали, что наказание за совершенный грех может ждать человека не только в загробной, но и в земной жизни. Как выражение гнева Господня и наказание за грехи воспринимались природные катаклизмы и войны²⁴. Но не всякое бедствие или нападение врагов рассматривалось как наказание за грех. Так, откликаясь на пожар в Твери, когда сгорело множество церквей, в том числе и соборный храм, Максим Грек писал, что это — наказание за грехи, когда тверичи, заботясь о благоустройстве и украшении храмов о торжественности богослужения, забыли о главном для христианина — попечении сирот и вдов и содержании убогих²⁵. За грехи имущих и власть предержавших ответили жители Твери, пострадавшие от пожара. В другом же слове, сочиненном по поводу набега крымского хана, а потом победы над ним, о грехах русских людей, подвергшихся нападению, тот же Максим Грек не говорит ничего. Более того, прославляет русское войско, находящееся под божественной защитой и возносит «благодарственное слово Господу нашему Иисусу Христу»²⁶. Хотелось бы особо подчеркнуть, что Страх Божий для настоящего христианина — это не постоянное ожидание беды или смерти и переживание отрицательных эмоций; это — путь к высшей, неизреченной радости, которую дает приближение к божественному началу; не только «путь к спасению», но и путь приобщения к божественной любви и неизреченной радости. «Радость о Господе» — для прошедшего сложный путь духовного развития христианина — истинная цель аскезы.

Соотношение страха и любви к Богу хорошо объясняет эпизод старинной легенды, передаваемой в изложении Ф. Д. Батюшкова: когда душа праведника предстала после смерти в Божественном

²³ Домострой. С. 9.

²⁴ *Щатов Я. Н.* Идеи мира в русском летописании XI–XIII вв. // История СССР № 1. 1992. С. 172–178.

²⁵ *Максим Грек.* Произведения Максима Грека. Рукопись из Славянского собрания Парижской национальной библиотеки / Под ред. А. Н. Сахарова, А. Лангелера; сост. М. Е. Бычкова, Л. П. Найденова, А. Лангелер. М., 2009. С. 174–176.

²⁶ *Максим Грек.* С. 316–319.

свете, она спросила, за что ей такое счастье и получила ответ: «В тебе больше любви к Богу, чем страха перед посмертными муками»²⁷. Это вполне согласуется со словами ап. Иоанна «совершенная любовь изгоняет страх» [Ин. 4 : 18]. В то же время, как справедливо заметил в одной из своих статей С. С. Аверинцев, кто из нас может сказать о том, что обладает совершенной любовью? Тем не менее, именно любовь составляет нравственную сердцевину и ориентирует в поведении православного человека при жизни.

Христианин вне храма

Отношение к священникам как слугам Бога отличается от зачастую встречающегося в наше время представления, что они должны помогать духовному, а то и просто житейскому росту каждого верующего, по сути дела, служить человеку. Роль такого наставника, по мысли людей Средневековья, выполняет духовник. «Отцам духовным» в Домострое посвящена целая глава, более того, в 1-й редакции она стоит перед главой о почитании священников вообще — «како чтити детемъ отцевъ своихъ духовныхъ и повиноватися имъ». Прежде всего, рекомендует Домострой, «изыскати отца духовна добра, боголюбива и благоразумна и рассудителна, а не потаковника, пьяницу, ни сребролюбива, ни гневлива. (Доказательство того, что мирские пороки священникам не были чужды, и автор Домостроя прекрасно об этом осведомлен). Такова подобает чтити и повиноватися ему во всемъ и каятися пред нимъ со слезами, исповедати грехи своя не стыдно и безсрамно, и заповеди его хранити. А призывати его к себе в домъ часто и извещатися всегда во всякой совести, и наказание его с любовию принимати и послушивати его во всемъ и чтити его. И бейте челомъ пред нимъ низко: он учитель ваш и наставник»²⁸. Конечно, выбрать духовного отца по своему усмотрению могли лишь жители довольно многочисленных городов, где, соответственно, и попов (а это слово вовсе не считалось уничижительным в те времена: «рор» — «папа») было несколько. В сельской местности, где на округу мог быть всего один храм, выбора у крестьянина не было. Отношение к наличию духовника в это время было настолько серьезным, что сменить его

²⁷ Батюшков Ф. Д. Спор души с телом в памятниках средневековой литературы. СПб., 1891. С. 9.

²⁸ Домострой. С. 84.

человек не мог даже в случае переезда. При таких обстоятельствах требовалось благословение предыдущего духовного отца²⁹.

Кроме ежедневного посещения храма и постоянного общения с духовником Домострой предлагает еще и дома «всегда павечерница и полунощница и часы пети. А кто прибавит правила своего ради спасения, ино то на его воли, ино боле мзда от Бога». Конечно, так много времени уделять ежедневному богослужению в мирской жизни было невозможно.

В той же главе, где автор говорит о вере в Бога «от всея душа», содержится призыв поклоняться мощам и иконам святых. Иконопочитание в России Позднего средневековья играло важную роль в духовной жизни человека, что позволило протестантам, активно посещавшим Московию в XVI–XVII веках, обвинять русских в идолопоклонстве и язычестве. Суждение о «двоеверии» русского народа уходит корнями именно в эти протестантские впечатления иностранцев о России. Теологическое обоснование почитания икон православие восприняло еще с византийских времен, считая, что изображение и вообще некий «материальный носитель» обладает мистической силой не сам по себе, но лишь потому, что в нем содержится частица Божественной благодати. Отвечая протестантским критикам, русские богословы говорили, что, отрицая иконопочитания, они отрицают тем самым идею «воплощения»³⁰. Поклоняясь иконе, человек через нее обращается к «первообразу». Но в религиозных практиках сохранить такую чистоту восприятия было трудно. Пусть и полученная от Бога, но частица благодати придавала иконе (и другим сакральным предметам, например, мощам) как бы самостоятельную силу, на которую и начинал рассчитывать молящийся. Иконами благословля-

²⁹ Смирнов С. И. Древне-русский духовник. М., 1913. С. 182–184.

³⁰ «Именно эта асимметричность двух конфессионально специфических систем представлений (может быть, можно сказать, — и двух систем христианской семантики), незыбательность для православного сознания центральных вопросов и сомнений, свойственных протестантизму и порожденных типологическими особенностями именно «латинского» христианства — и есть, как кажется, главный фактор, объясняющий, почему Реформация остановилась на пороге православного мира. Дмитриев М. В. Почему Реформация остановилась на пороге православного мира? // Материалы международной научной конференции «“Время молчания прошло!”». Пять веков Реформации в меняющемся мире». Сборник научных статей. СПб., 2019. С. 62.

ли, к ним прикладывались больные, икону могли даже опустить в чан со свежесваренным пивом и т. п.³¹

Иконография со временем также претерпевала изменения. К XVI–XVII векам изображения на иконах стали ближе к земной жизни. На них, кроме центрального изображения, появились так называемые «клейма» – небольшие рисунки-иллюстрации жизни и земных подвигов главной изображаемой фигуры святого. Это было не просто эволюция жанра, но сознательное стремление церкви способствовать просвещению и воспитанию благочестия паствы, на что прямо указывал, среди прочих, церковный деятель XVII века Димитрий Ростовский в своем «Розыске о раскольнической брынской вере»: «В книзе убо писания не всяк читати сумеет, на иконе же изображенная всяк и некнижный простец разумеет. Очима же на изображение воззрев, вся та абие умом объемлет, разумеет, познавает; и есть живописное художество скорейшая, внятнейшая и вразумительнейшая повесть, паче повести книжных»³². «На смену надмирной отвлеченности, вселенскости приходит соотношенность святого с историческим мифом конкретной страны и народа и с современной зрителю религиозной действительностью. Именно такой святой служил актуальным для той эпохи примером земного благочестия и жертвенности во благо православного русского государства и его населения»³³.

Важным регулятором как духовной, так и обыденной жизни людей того времени был пост: «А неделя (воскресенье) и праздники Господские и среду и пятокъ и святыи постъ и богородичень в чистоте пребывати, а от объядения и пьянства и от пустошных бесед и смехотворения неподобнаго всегда беречися, и от татьбы, и от блуда, и лжи, и клеветы и зависти»³⁴. В этом наставлении содержится очень важное понимание поста как средства духовного возвышения, когда нужно не только усмирять и очищать плоть, но и стремиться к хранению души от дурных помыслов и совершению

³¹ Антонов Д. И. Два «тела» иконы: общение с образом как апроприация силы // Вестник РГГУ. № 7(40) Научный журнал. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». М., 2018. С. 10.

³² Ростовский, Димитрий. Димитрий Ростовский. Розыск о раскольнической брынской вере. Ч. I. М., 1745. С. 6.

³³ Сукина Л. Б. Иконография русских святых в контексте «предписанного православия» XVI–XVII веков // Изображение и культ: сакральные образы в христианских традициях. Мат. науч. конф. (Москва, РАНХиГС, 16–17 июня 2017) / Отв. ред. и сост. Д. И. Антонов. М., 2017. С. 129.

³⁴ Домострой. С. 82.

греховных поступков. Соблюдение поста было серьезным испытанием, поскольку постными у православных бывает от 178 до 212 дней в году. Число это зависит от даты Пасхи, а значит и промежутка между Великим и апостольским (петровым) постом³⁵. Для больных, детей, и «странствующих и путешествующих» строгости поста смягчались. И в целом мирской человек пост мог держать «по силе».

Исследователей, конечно, интересовал вопрос, насколько соблюдалось телесное воздержание в реальной жизни. Сравнение дат рождения (а значит и возможность определения вероятного времени зачатия), указанных в летописях, с датами поста в соответствующий год показало, что, по крайней мере, в княжеских семьях пост, особенно Великий, соблюдался.

Таким образом, религиозная жизнь средневекового человека предполагала не только веру в существование Бога, как часто формулирует для себя современный человек, а веру-любовь не только в Творца мироздания, но и управителя всего сущего. Истинная вера приносит радость «неизреченную», не выразимую простыми словами. Свою веру в Бога и поклонение человек выражал не только в храме, но и в почитании священных икон и мощей, в молитве дома, в общении с духовником. В стремлении соблюдать заповеди Божьи в повседневной жизни.

Поп и приход

В Домострое отсутствует какое-либо упоминание о христианской общине, напоминающей церковный приход, хотя о существовании прихода в Стоглаве говорится несколько раз: в главе 29-й «О всех протопопех (протопоп — старший священник) и о... священниках и о дьяконех»: «так же бы по всем святым соборным да

³⁵ В Русской православной церкви существует 4 длительных поста. Если считать числа по григорианскому календарю, то это: Рождественский (перед Рождеством Христовым, в Средние века его часто называют филипповым, т. к. начинается со дня памяти апостола Филиппа) — 40 дней (28 ноября — 7 января). (7 января = 25 декабря по принятому в русской церкви юлианскому календарю); Великий (перед Пасхой) — 7 недель — 48 дней (не ранее 15 февраля и не позднее 7 мая); Апостольский (петров пост, заканчивающийся в день апостолов Петра и Павла, 12 июля по новому стилю) от 8 до 42 дней (начинается в воскресенье после Троицы и заканчивается 12 июля); Успенский (богородичный) — 2 недели (14–28 августа). Кроме того постными считаются среда и пятница за изъятием пяти недель — «сплошных седмиц».

церквам и в *приходех* (выделено мной. — Л. Н.) по градом и по селом, здесь в царствующем граде Москве и по всем градом российского царствия, чтобы о всех тех церковных чинех брегли протопопы»³⁶. В главе 70-й «Ответ о пустых церквах что стоят без пения» рекомендуется предоставлять пустующим церквам ряд льгот, а следить за этим должны «люди лутчие, которые к тем церквам *прихожи* (выделено мной. — Л. Н.), «а священники у тех церквей жили бы о *приходе* (выделено мной. — Л. Н.), да о церковной земле»³⁷. Как видим, в обоих случаях приход упоминается в связи с внутри церковными проблемами и средствами обеспечения. При этом, конечно, очень важно, что «прихожим» к церквам «лучшим людям» вменяется в обязанность активное участие в процессе организации содержания храма.

О существовании приходов в городах как об источнике доходов церковей вопрос 31-й Стоглава говорит прямо: «а у приходных церковей се приход улица»³⁸, но ни о каких-либо иных формах связи храма с жизнью приходской общины не упоминается. Вопрос о приходах важен для определения того, какое сообщество в позднее Средневековье выражало «общественное мнение», составляло референтную группу, на чью оценку оглядывался человек, совершая тот или иной поступок. В данном случае можно было бы говорить о том, что мнение соседей его волновало больше, чем мнение членов его церковной общины, но соседи и члены прихода были одними и теми же людьми. Об этом свидетельствует следующий текст: «Великий князь Иван Васильевич рязанский приказал боярину своему Иакову Бурмину воздвигнути храм во граде своем Переяславле ангела своего Иоанна Златоуста, да около храма [земли] на кладбище [дать] по пяти сажен. А приход Златоусту серебряники все, да пищальники» (выделено мной. — Л. Н.)³⁹. Нелишне в данном случае вспомнить, что мастера одной специальности часто селились рядом, на одной улице, а значит прихожане, соседи и «коллеги» образовывали единую «референтную группу», хорошо знавшую все обстоятельства жизни друг друга, мнение которой и руководило суждениями и поступками человека.

³⁶ Стоглав. С. 372.

³⁷ Там же. С. 373.

³⁸ Там же. С. 264.

³⁹ Акты социально-экономической истории. Т. 3. № 343. С. 369. На этот текст указал Д. А. Баловнев, которому выражаю искреннюю признательность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru